

К Н И Г И

Карин Жибель

Пока смерть не соединит нас
Искупление кровью
Всего лишь тень
Чистилище для невинных
Каждый час ранит, последний убивает

КАРИН ЖИБЕЛЬ

КАЖДЫЙ ЧАС РАНИТ,
ПОСЛЕДНИЙ УБИВАЕТ

Vulnerant omnes, ultima necat

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Ж 66

Karine Giébel
TOUTES BLESSENT, LA DERNIÈRE TUE
Copyright © 2018, Éditions Belfond
Published by arrangement with Lester Literary Agency

Перевод с французского Валентины Чепига

Оформление обложки Ильи Кучмы, Виктории Манацковой

© В. П. Чепига, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-22828-3

ПРОЛОГ

Тебя зовут Тама.

Ты живешь недалеко от Парижа в большом и красивом доме с четырьмя спальнями. Одна — для родителей, местье и мадам Шарандон, одна — для их двух дочерей и по одной — для каждого сына.

Тремя младшими детьми занимаешься ты. Еще на тебе уборка дома, стирка, глажка, поддержание порядка, стряпня. Если нужно, ты штопаешь одежду.

Утром ты встаешь в пять часов, чтобы приготовить завтрак для всей семьи. Потом начинаешь заниматься хозяйством, пока мадам Шарандон отдыхает или отправляется по магазинам.

Мадам Шарандон родилась в Марокко, как и ты. До замужества ее звали Сефана Хазнажи. Если ты правильно поняла, местье Шарандон работал в агропромышленном секторе на родине своей будущей супруги, там-то он с ней и познакомился. Они поженились и приехали жить во Францию с первой дочерью.

Сефана — красивое имя. Оно означает «жемчужина».

Тама — имя, которое она тебе выбрала, — уменьшительное от Тамазальт, что значит «верная». Сефана уверяла, что оно принесет тебе удачу в работе.

Когда ты задумываешься об этой удаче...

Обычно тебе можно идти спать в десять вечера, когда вся работа закончена. Иногда позже.

Тогда тебе дают тарелку с тем, что не захотели есть дети, и ты отправляешься ужинать к себе. То есть на матрас,

тонкий и узкий, брошенный на пол в постирочной, с одеялом и старой подушкой. Ты спишь здесь, среди провизии, к которой тебе не разрешено притрагиваться, рядом со стиральной машиной. Отопления нет, но, к счастью, тут не очень холодно. Шкафом тебе служит картонная коробка, куда ты складываешь личные вещи; месье Шарандон разрешил тебе поставить на коробку маленькую лампу.

Тебе запрещено выходить из дому. Когда Сефана уезжает, то закрывает дверь на ключ.

Ты все равно боишься выходить на улицу. Здесь ты ничего не знаешь. Ничего и никого. За дверью все чужое, страшное, враждебное.

Как-то после полудня, пока Сефана спала, ты осмелилась сделать несколько шагов по саду. Целое приключение! Стояла хорошая погода, почти жаркая, и ты не смогла сдержаться. О, далеко бы ты не ушла, нет. Почувствовать, как солнце ласкает кожу, увидеть небо, послушать пение птиц — вот и все. Снова побывать на воздухе. Ничего особенного.

Но Сефана тебя увидела. Догнала, накричала и заперла в постирочной. Вечером, когда вернулся ее муж, он тебя избил. Так, что ты потеряла сознание. Пять дней тебе не давали еды. Даже обедков с тарелок детей.

Ты здесь уже год. Уже год не выходишь из этого дома.

Тебя зовут Тама. Твое настоящее имя тебе произносить запрещено. Но каждый вечер, прежде чем заснуть, ты несколько раз шепчешь это имя. Чтобы не забыть.

Тебя зовут Тама.

Тебе девять лет.

Всеобщая декларация прав человека
1948 года,
статья 4:

Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах.

Было еще темно. По-прежнему холодно. Зимы здесь суровые. Безжалостные к людям и животным, леденящие скалы и души, замораживающие любую надежду.

Габриэль с чашкой обжигающего кофе в руках вышел на террасу. Гипотетический горизонт несмело вырисовывался в первых лучах восходящего солнца.

Дом стоял посреди продуваемой всеми ветрами пустыни. Ближайшие соседи жили в нескольких километрах. Но Габриэль сам выбрал это место для жизни, место, куда никто не хотел приезжать. Откуда все бежали. Суровый климат, одиночество, тишина или тревожные завывания агея¹ — все это его устраивало.

Казалось, эти места создали специально для него, для таких людей, как он. Для тех, кто хочет что-то забыть или чтобы забыли о них. Для тех, кто хочет облегчить душу, страдать в одиночестве.

Тихо умереть.

Габриэль медленно пил свой кофе. Ночь уже превратилась в смутное воспоминание, даже несмотря на то, что перед его глазами по-прежнему стояло несколько леденящих эпизодов из его кошмаров подобно все никак не расходящимся после бури облакам.

¹ *Агей* (или эгюоля) — холодный восточный ветер в южной части Севени, платообразного хребта, входящего в состав Центрального горного массива Франции. — *Здесь и далее примеч. перев. Переводчик выражает благодарность Набилу эль-Идрисси и Татьяне Ворожцовой.*

Он вернулся в дом, где было удивительно тепло, поставил чашку в мойку на кухне и взял ключи от машины. Надел шапку и кожаные перчатки и вышел из дому.

Лужи на дорогах замерзли, терпеливо поджидая очередную жертву. Машину, которая свалится в овраг, человека, которого можно убить. Помня об опасности, Габриэль двигался на небольшой скорости.

Когда он приехал во Флорак, уже рассвело. Но было по-прежнему почти так же холодно. Январь только-только начался, зима будет долгой и безжалостной.

Он сделал несколько покупок на неделю, зашел в табачную лавку и аптеку, а потом снова сел за руль. Дорога из Флорака петляла по бурым, забытым солнцем ущельям. Затем шла вниз в направлении Нима, но Габриэль свернул, чтобы проехать по старому мосту, который каким-то чудом не развалился из-за сильных разливов бежавшей под ним речки. Он миновал два старых заброшенных дома и далее продолжил путь по намного более узкой дороге, которая поднималась к перевалу, что находился в двадцати километрах отсюда.

Наконец появилось солнце. Оно осветило редкую подмерзшую траву, голые помертвелые каштаны, что топорщили ветви, как будто о чем-то предупреждали.

Направо пойдешь... Внедорожник терпеливо глотал виражи. Габриэль закурил и включил радио. Он вполуха рассеянно слушал новости.

Говорили о цифрах. Сколько бедных, сколько безработных. Ни то ни другое Габриэля никогда не касалось.

Говорили о страхе. О страхе людей, о страхе завтрашнего дня или о страхе, что чего-то будет не хватать. Габриэль не испытывал чувства страха. Он плевать хотел на завтрашний день, а все, чего ему могло не хватать, он уже купил.

Он уже давно ничего особо не чувствовал.

Проехав с четверть часа и не встретив ни одной живой души, Габриэль оказался на месте. Крошечная деревушка состояла из четырех домов неопределенного года постройки; он был их единственным владельцем. Жилым оставалось только одно здание. Габриэль сделал в нем ремонт, предоставив трем другим разрушаться от времени. Он припарковался у каменной лестницы и отнес покупки в дом.

Софокл, старый немецкий дог, лежал у камина. Пес приподнял голову, когда вошел его хозяин, едва заметно вильнул хвостом и снова глубоко уснул.

Габриэль, как всегда по утрам, просмотрел почту и выпил вторую чашку кофе. Немного рекламы, немного спама, ничего важного. Ему никто никогда не писал или почти никогда.

Он снова надел куртку, вышел на улицу и закурил еще одну сигарету. Небо было ярко-синим, солнце не грело, но ветер стал тише. Габриэль открыл ворота конюшни, которая находилась сразу напротив дома.

— Привет, девочки! — бросил он, входя в конюшню.

Две кобылы ганноверской породы, серая Гайя и каштановая Майя. Лошади казались встревоженными. Габриэль подзвал их, и они подошли. Он погладил их по мордам, похлопал по бокам, шепнул пару успокаивающих слов.

И в этот момент он увидел ее. Женщину, лежавшую на соломе, в глубине конюшни. У Габриэля перехватило дыхание. Он немного помедлил и приблизился к неподвижному телу:

— Что вы тут делаете?

Никакой реакции. Может быть, она была мертва.

Мужчина остановился в нескольких шагах от незнакомки. Та лежала на боку, к нему спиной. Габриэль осторожно потрогал тело носком ботинка. По-прежнему никаких признаков жизни. Он присел на корточки, положил руку женщине на плечо. Неожиданно та повернулась, выставив перед собой оружие. В темных контурах Габриэль узнал автоматический пистолет.

— Назад!

Он выпрямился и застыл на месте, пока незнакомка вставала на ноги. Габриэль заметил, что женщине тяжело, и смог разглядеть темное пятно у нее на футболке, под курткой.

— Идем... к вам, — прошептала она.

На лице у нее не отражалось и следа страха. Взгляд был пустым.

Мужчина вышел из конюшни, за ним по пятам следовала незнакомка. Не торопясь, Габриэль поднялся по нескольким ступенькам, открыл дверь. Когда они очутились внутри, он повернулся и оказался с ней лицом к лицу. Прямо под дулом направленного на него оружия. Крупнокалиберной «беретты».

Софокл зарычал и направился к незваной гостье. Габриэль жестом его остановил.

— И что теперь? — спросил он.

Сейчас, при свете, он мог рассмотреть ее лицо. Рана и гематома на лбу, как будто она ударилась головой об стену. Очень молодая, вероятно, лет двадцати. Скорее симпатичная. Чистая смуглая кожа, темные, слегка вьющиеся волосы, спутанные, в соломе. По всей видимости, она спала в конюшне. Пользоваться огнестрельным оружием она не умела. Неловко держала пистолет. Что совершенно не умаляло опасности, скорее наоборот. К тому же пистолет был снят с предохранителя.

— Мне нужны продукты... В сумке!

Габриэль подошел к кухонному столу и нашел в ящике полиэтиленовый пакет. Положил в него две пачки печенья, фрукты и поставил на барную стойку, разделяющую кухню и гостиную. Свободной рукой незнакомка зажала рану. Нехорошую рану, прямо под ребрами. Когда она отняла руку, та была вся в крови.

— Деньги! — бросила она. — Все, что есть.

Он вынул из внутреннего кармана куртки бумажник и вытащил две купюры по пятьдесят евро.

— И ваш телефон! И... ключи от... вашей... машины...

Габриэль отдал, ожидая новых инструкций. Говорить девушке становилось все труднее.

— На ко... лени! — приказала она.

Он беспрекословно покорился. Трясущейся рукой девушка схватила пакет, бросила туда деньги, телефон и ключи, не сводя глаз с Габриэля. Потом попятилась, держа его на мушке. Когда она уже открывала дверь, ноги у нее подкосились. Она сразу осела на пол, уронив пистолет и застонав от боли. Протянула за пистолетом руку, но тот уже поменял владельца. Габриэль целился ей в голову. Теперь приказывать будет он.

— Поднимайся!

Она встала на колени, а затем с нечеловеческим усилием выпрямилась:

— Отпустите меня!

— С моей машиной, телефоном и деньгами? — ответил он, оскалившись. — Может, тебе еще что-нибудь нужно?

Девушка ногой подтолкнула к нему полиэтиленовый пакет и умоляюще вытянула руки:

— Просто отпустите меня... Просто отпустите...

Едва она произнесла эти слова, как силы снова ее оставили. Девушка глухо стукнулась головой о пол. На этот раз она уже не шевелилась. Габриэль засунул пистолет за пояс и осторожно приблизился к ней. Нет, она не притворялась, она и правда потеряла сознание.

Он достал сигарету и спокойно закурил, наблюдая, как незнакомка умирает у его ног.

Я немного помню маму. Теперь ее лицо размыто, но я знаю, что она сияла, как солнце. Ее длинные темные волосы блестели, как шелк, а руки были мягкими, как и ее улыбка. Рядом с ней мне казалось, что все будет хорошо. Что ничто нас не может разлучить.

Я помню в основном ощущения — ласку, запах духов, нежные слова. И некоторые образы. Как мы смеялись, как танцевали, как обнимались. Я держала ее за руку, и мы бежали босиком по горячему песку. Я садилась к ней на колени, сворачивалась калачиком и засыпала.

Мама умерла, когда мне было пять с половиной. После похорон отец отвез меня к маминой сестре, тете Афак. Женщине с тяжелым взглядом и грубыми руками, которая почти никогда ничего не говорила. Она сказала мне, что я для нее лишний рот, что мне нужно стать для нее полезной. Следует уточнить, что у Афак было три сына и не было мужа. Так что я делала, что могла.

Я ждала, пока останусь одна, чтобы оплакивать маму. Чтобы вспоминать о ее уверенных руках, успокаивающем запахе, о песнях, которые она мне пела. Она снилась мне каждую ночь, как будто она умерла не по-настоящему. Как будто ее не отняла у меня лихорадка.

Когда мне исполнилось шесть лет, Афак отправила меня в школу. Я посещала ее три раза в неделю, что уже было

большой удачей. Школа находилась далеко, до нее приходилось идти пешком целый час. Но я была счастлива, что хожу туда, что учусь стольким вещам. Что встречаю там девочек моего возраста.

После школы я переодевалась и шла в деревню за водой. Потом помогала тете готовить ужин. В дни, когда я не училась, я стирала, ухаживала за козочками и маленьким огородом, где тетя Афак выращивала овощи, которые затем продавала на рынке. Мы вполне сводили концы с концами, и в общем нам было не так уж и плохо.

Я прожила у тети два с половиной года, за это время отец женился на другой женщине и она родила ему двоих сыновей. Он редко заходил к нам в гости и каждый раз уезжал без меня. Я надеялась, что однажды он произнесет магические слова: «Собирайся, мы возвращаемся домой».

Когда мне исполнилось семь, в деревне появился один человек. Он ходил по домам и постучал и в нашу дверь. Он сказал тете, что знает в городе богатых людей, которые хотят нанять девчущку, чтобы та занималась домом и детьми. За это он пообещал тете Афак денег, а мне — велосипед, чтобы ездить в школу. Он уверял, что в городе мне будет хорошо, что я там заведу подружек и буду даже получать небольшую зарплату. Я не произнесла ни слова, потому что тетя мне это запретила, и она же ответила вместо меня. Она сказала этому месье, который был прекрасно одет, что я ей нужна и что его предложение ее не интересует. Когда он ушел, тетя Афак объяснила, что он все наврал и она отказала ему, желая меня защитить.

В детстве тетя была служанкой, но вспоминать об этом не любила. Несмотря на ее предостережения, мне стало немного грустно. Я подумала, что жить в городе и ездить на собственном велосипеде, наверное, чудесно.

День рождения, когда мне исполнилось восемь, выпал на воскресенье; рано утром пришел отец в сопровождении какой-то дамы. И я на мгновение подумала, что он ушел от своей новой жены Навель и предпочел ей другую.

Я ошибалась.

Эту женщину звали Межда, она была родом из той же деревни, что и мама, и когда-то была с ней немного знакома. Сейчас она жила во Франции, а в Марокко приехала на время отпуска.

Межда выглядела элегантной, улыбчивой и очень милой. Она принесла подарки для тети — еды, которой бы хватило кормить детей в течение месяца, — и даже подарила мне на день рождения чудесную куклу с фарфоровым личиком и в изящном платье. Кажется, я никогда еще не видела ничего более красивого, кроме, конечно, маминого лица. У куклы были большие карие глаза, рыжие косички и губы нежного бледно-розового цвета. На ней была широкополая шляпка и платье, как на принцессах из сказок.

Я скакала от восхищения. Взяла куклу, прижала к себе и подумала, что она останется со мной навсегда.

Мы пообедали, и мне позволили держать куклу на коленях, пока мы ели. Незабываемый момент, один из самых прекрасных в моей жизни.

После обеда я узнала от отца, что Межда предложила ему взять меня на попечение и забрать с собой во Францию, где меня ожидает лучшее будущее и представится больше возможностей. Он согласился. Моего мнения он, конечно, не спрашивал. В любом случае я бы и не поняла, если бы он это сделал.

В тот же вечер я попрощалась с тетей Афак и двоюродными братьями и уехала с отцом и Междой в машине, которую женщина взяла напрокат. В большой машине, которой были нипочем ухабистые дороги и которая стоила, наверное, столько денег, что отец никогда бы себе такую не купил. Я села на заднее сиденье и всю поездку думала о тете Афак, той было грустно, что я уезжаю от нее.

Мне же не было ни грустно, ни весело. Просто тревожно.

Я думала, что мы заедем в наш старый дом, но мы поехали прямо в аэропорт. Там я увидела, как Межда дает отцу денег. Кажется, восемьсот дирхемов¹. Небольшое состояние.

Он взял меня за плечи, чтобы сказать несколько слов:

— Я не могу больше держать тебя у тети Афак, но у меня недостаточно денег, чтобы кормить своих сыновей и жену. Как же мне еще и тебя прокормить? Там, во Франции, ты пойдешь в школу, обучишься какому-нибудь ремеслу. Для тебя это — настоящая удача.

Затем он наказал мне хорошо себя вести, не позорить семью, а потом обнял. И сел в автобус, а я смотрела, как тот увез его прочь.

Межда взяла меня за руку, и мы зашли в здание аэропорта. Она была со мной очень добра, уверила в том, что я скоро смогу приехать проведать тетю и отца. Что открою для себя то, о чем мечтают все маленькие марокканцы. Что во Франции мне понравится.

Чувствовала я себя странно: мне было и радостно, и страшно.

Межда вручила мне паспорт, выписанный не на мое имя, объяснив, что у нее не было времени сделать мне мой собственный документ. Она попросила меня выучить наизусть фамилию, написанную на паспорте, я ее сейчас не помню. Если полицейские будут о чем-то спрашивать, я должна ответить, что я племянница Межды и что мы едем на каникулы во Францию. В общем, это было похоже на игру. Довольно волнительную игру.

Когда мы посреди ночи сели в самолет, я испытывала настоящий восторг! Я ведь никогда не ездила дальше своей деревни или деревни тети Афак... Во время полета Межда спала, а когда проснулась, то стала намного менее доброй.

¹ *Восьмьсот дирхемов* — приблизительно 80 евро.

* * *

В Париже мы сели в такси. Тогда Межда сказала, что мы едем к ее двоюродной сестре и ее мужу, Тьерри и Сефане Шарандон. Отныне я буду жить у них. У этих незнакомых мне людей. И я поняла, что за их доброту мне придется отплатить им своим трудом.

Мы проехали по Парижу, шел дождь. Я еще никогда не видела такого большого, красивого и богатого города. Еще никогда не видела столько машин разом. Мне казалось, что я на другой планете или в другом веке. Мне хотелось остановить машину, оглядеться вокруг, узнать что-то новое. Я задавала вопросы Межде, но та не отвечала. Она больше не улыбалась, разговаривала сухо, и я подумала, что, наверное, наше путешествие утомило ее.

Когда мы прибыли к моим новым «родителям», я вела себя очень застенчиво. Сефана, двоюродная сестра Межды, показала мне дом, уточнив, что мне запрещено его покидать. Что если меня увидят соседи, то вызовут полицейских, которые бросят меня в тюрьму, потому что у меня нет права находиться во Франции. Если кто-нибудь что-нибудь спросит, я должна солгать и сказать, что я племянница Сефаны.

В общем, для всех я была племянницей. И больше никем.

Межда очень быстро уехала, забрав с собой куклу, которую подарила, когда мы обедали у тети Афак. Тогда у меня появилось нехорошее предчувствие. Я поняла, что в этом месте мне жить не понравится.

Мне было холодно, страшно, я обижалась на папу за то, что он меня бросил. Что продал ради того, чтобы прокормить своих сыновей.

Я молча слушала Сефану, которая говорила, что я должна работать, чтобы вернуть деньги, которые она одолжила моему отцу. Что теперь за домом и за детьми буду смотреть я. Что я буду заниматься всем. Она объяснила мне, что у нее две дочери и сын, и я видела, что она беремен-

на. Она уточнила, что я не имею права разговаривать без разрешения. Что я должна молчать и не подслушивать под дверьми. Что если я что-нибудь испорчу, то заплачú. Ничего этого я не знала.

Но позже поняла.

Потом Сефана спросила, как меня зовут. Она немного подумала и заявила, что теперь меня будут звать Тама.

Сегодня исполнился год и одна неделя, как я здесь. На кухне висит календарь.

Я смотрю на него каждый день.

Каждый день считаю дни.

Каждый день надеюсь, что именно сегодняшний станет последним. Что я наконец буду свободной. Что отец наконец приедет за мной.

Утром я пропылесосила весь дом. Потом перегладила белье.

Сегодня пятница, а по пятницам я глажу в течение четырех часов. Сефана говорит, что я медлительная, ленивая, что мне повезло, что она терпит меня и держит у себя в доме.

«Повезло», как подумую...

Я ничего ей не отвечаю. Так лучше, если не хочешь проблем. Она высокая, красивая, от нее всегда вкусно пахнет. Надо сказать, что в ванной она проводит не один час. Там, куда мне разрешено заходить, только чтобы убраться.

Я моюсь в кухне, утром, когда все спят. У меня есть собственное полотенце, которое я должна стирать отдельно от остального белья, собственное мыло, которое никто не трогает, и шампунь, от которого у меня путаются волосы. У меня есть одна пара сменного белья, только одна. Сефана хочет, чтобы я всегда была чистой. Она часто проверяет, чистые ли у меня руки, перед тем как я начинаю готовить еду, и если они не в идеальном состоянии, то она трет их щеткой, от которой у меня появляются ссадины.

Думаю, она меня не любит. Боюсь, что она никогда меня не полюбит.

Но я не теряю надежды.

Я стараюсь ей понравиться.

Я приношу ей горячий чай в спальню или в гостиную. Я готовлю для нее ее любимые пирожные, я душу духами ее подушки и белье. В ее шкафах много чудесной одежды. Вещей, которые, наверное, очень дорого стоят.

Намного дороже, чем стоила я, скажет она однажды.

Во второй половине дня, когда я убирала комнату девочек, я нашла в корзине для мусора старую куклу. У нее не было руки и волос, платье все в пятнах. Но у нее милая улыбка и огромные голубые глаза.

Я вытащила ее и спрятала у себя в картонной коробке. Вечером я смогу посмотреть на нее, может быть, поговорить с ней. Знаю, что она ничего не ответит, но все лучше, чем вести беседу с самой собой.

Наверное, это старая кукла Фадила. Старшей из девочек, ей тринадцать лет. Она никогда со мной не разговаривает, только может что-то приказать. Несмотря на ее возраст, каждое утро я должна помогать ей одеваться. Должна расчесывать ей волосы и зашнуровывать обувь, чтобы она не наклонялась. Мне она кажется высокомерной. Надменной, как сказала бы тетя Афак.

Фадила означает «добродетель». Имя это ей совсем не подходит!

У нее у единственной наше имя. У остальных трех детей имена странные. Есть Адина, вторая дочь, которой исполнилось девять. И потом два мальчика, Эмильен, ему пять, и Вадим, тому шесть месяцев. Его комната — прямо за стенкой помещения для стирки. Сефана купила мне радионяню, чтобы я могла проснуться, как только малышу что-нибудь потребуется. Ночью, если он плачет, всегда встаю именно я. Я научилась менять памперсы, кормить

Жибель К.

Ж 66 Каждый час ранит, последний убивает : роман / Карин Жибель ; пер. с фр. В. Чепиги. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 640 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-22828-3

Тама с восьми лет обслуживает богатую семью, не имеет права выйти из дома, терпит побои, умудряется оставаться живым человеком в нечеловеческих условиях и мечтает о свободе, не помня, что это такое. Безымянная тяжелораненая девушка заявляется в дом неуравновешенного горюющего отшельника Габриэля, не помня о себе вообще ничего. Отшельник, увы, о себе помнит всё и со своими воспоминаниями расправляется кроваво, потому что они его убивают. Всем троим предстоит освободиться из рабства — буквального и метафорического, — и в итоге каждый отыщет свой непростой путь к свободе.

Книги королевы триллера Карин Жибель переведены на десяток языков и удостоены многочисленных литературных наград, в том числе *Prix Polar* за лучший роман на французском языке. За роман «Каждый час ранит, последний убивает» она получила «Золотое перо французского триллера» и *Prix de l'Évêché*. Этот роман Жибель написала по мотивам реальных историй женщин, лишившихся свободы и столкнувшихся с крайними формами насилия, — и получился триллер о человеческой жестокости, искуплении и личной свободе, которая стоит очень дорого и порой оплачивается только кровью.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

КАРИН ЖИБЕЛЬ
КАЖДЫЙ ЧАС РАНИТ,
ПОСЛЕДНИЙ УБИВАЕТ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Ирина Тарасенко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Терскова, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.03.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28,2.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Y-MBD-31773-01-R